

С.И. Кормилов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ КРИТИКЕ ПЕРЕЛОМНЫХ 1980-Х ГОДОВ

Ключевые слова: перестройка, «методологический эмпиризм», периодизация, социалистические «глобалисты», внесоциальная народность, «шестидесятники», «лево-радикальная» и «лево-центристская» критика, «реальная» критика, либерализм.

1980-е годы в русской литературе и критике – принципиально значимые, переломные, заканчивающие советский период. Это время острой идеологической борьбы разных направлений. Столкновения в литературной критике одновременно были политическими. Последние три года десятилетия принесли фундаментальные перемены в общественном сознании, и роль критики в этом процессе была исключительно велика.

Кормилов

Сергей Иванович – доктор филол. наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного университета

© С.И. Кормилов, 2008

В 1980-е гг. литературная критика уже вовсе не отличалась бесспорным единомыслием. Но серьезных соображений о ее методологических основах поначалу не было. Традиционно предполагалось, что вся она – диалектико-материалистическая за немногими случайными исключениями. На самом деле количественно господствовали эмпиризм и эклектика. Вместе с тем как в первой, так и во второй половине десятилетия были определенные методологические тяготения, некоторые из них явно группового характера.

Бюрократизация общества наложила свой отпечаток и на литературную критику. Официальную линию руководства Союза советских писателей тех лет можно условно назвать методологическим эмпиризмом. Он был свойствен таким критикам, как В. Озеров, Вас. Новиков, Л. Новиченко, В. Литвинов, М. Синельников, и многим другим. Они признавали официальные характеристики общества и литературы, принятые в период застоя, и либо иллюстрировали общие установки, либо рассматривали отдельные произведения и отдельные проблемы, не выдвигая собственных значительных идей, регистрируя иногда подлинные, но не так уж редко и мнимые достоинства и недостатки писателей.

Предпочтительно было говорить о достоинствах. Писатели «с постами» были вне критики, их только восхваляли (но не крупные, серьезные критики), к лицам с менее значительными постами в Союзе писателей предъявлялись частные претензии. Резко заниженные критерии оценок переносились

и на всю литературу. На параде благополучия серость чувствовала себя отлично. Рецензии в журналах и газетах были почти исключительно положительными. Распространилась откровенная комплиментарность. На словах это порицалось, но обстановка в Союзе писателей препятствовала реальным изменениям.

Понижение критицизма в критике имело и свою позитивную сторону. Острые и неординарные произведения Ч. Айтматова, В. Быкова, В. Белова, С. Залыгина, Ю. Трифонова и других писателей уже не встречались в штывы, как бывало раньше. Например, Н. Потапов в «Правде» от 16 февраля 1981 г. высоко оценил роман Ч. Айтматова «И дольше века длится день», хотя и оговорил, что «наш классовый инстинкт» «невольно натывается» на полный «паритет» двух великих держав (СССР и США) в вопросе о фантастической самоизоляции Земли от других цивилизаций¹, а Е. Сидоров спорил с многими выступлениями на Седьмом съезде писателей (1981) по поводу неорганичности космической линии в этом произведении: «<...> без космической одиссеи романа бы не было. Был бы еще один, пусть и блестящий, вариант “Прощай, Гульсары!”»². В начале 80-х гг. стало возможно включение в один журнальный номер – «Москва». 1982. № 1 – двух несопоставимых материалов одного автора: член редколлегии журнала поэт А. Парпара напечатал в нем свою статью о «Воспоминаниях» еще здравствовавшего Л. Брежнева и вступительную заметку к публикации нескольких текстов песен В. Высоцкого (такие публикации после смерти «барда» редко и с большим трудом, но появлялись).

«Методологический эмпиризм» выражался и в постановке в один ряд литературных чиновников с их иллюстративными, декларативными произведениями и подлинных художников. Хозяева положения были заинтересованы в такой нивелировке. В начале «перестройки» эта нивелировка наглядно обнаружилась в основных докладах на Восьмом съезде писателей СССР (1986). Долгие годы возглавлявший правление писательского союза Г. Марков (дважды Герой Социалистического Труда, при жизни которого был открыт его музей в родных сибирских краях), констатировав многообразие советской многонациональной литературы и назвав несколько имен писателей, сделал вывод, что «чистота, ясность, определенность нравственного чувства роднят их всех, да и не только их – всех советских писателей»³. При всеобщей чистоте, ясности и нравственности перестройка в Союзе писателей представляла как бы не имеющей смысла. В. Озеров в докладе о критике с одобрением привел высказывание одного из своих коллег, не назвав его: «Быков, Айтматов, Марков не нуждаются в отклике. Критические статьи об их книгах должны быть статьями о жизни. Ибо по-настоящему “поддержать” писателя такого уровня может

только критика, умеющая соотносить литературу и действительность...»⁴ Законное требование соотносить литературу с действительностью здесь совершенно вытесняет требование эстетического анализа и оценки «такого уровня» литературы, реально очень разного.

К «методологическому эмпиризму» были близки и те критики, которые часто вступали в полемику во имя сохранения в чистоте «единственно верной» марксистско-ленинской методологии: Ю. Суровцев, Ю. Лукин, П. Николаев, В. Оскоцкий. Они не были «принципиальными» сторонниками концепции эстетически «единого потока», но, подобно многим представителям общественно-политической мысли застойного периода, утверждали наряду с бесспорными истинами и то, что истиной вовсе не было. Если, например, Ю. Кузьменко делил советскую литературу на два больших периода по 1956 г. (году XX съезда КПСС)⁵, то Ю. Суровцев, выделяя также два больших периода (и несколько меньших), проводил границу по 70-м гг., но хронологически начинал их «во второй половине второй половины предшествующего десятилетия» – это уже «литературно-художественная эпоха развитого социалистического общества»⁶.

Феликс Кузнецов отсчитывал современность фактически прямо с момента смены политического руководства страны, утверждая, что «середина 60-х дала новый общественный толчок, новый импульс нашему гражданскому – и литературному – развитию, явившись историческим рубежом, определившим как раз этапный характер последующего развития нашей литературы» (статья «Неокончательные итоги. Дискуссия о прозе 70-х», 1982)⁷. Когда писатель А. Курчаткин противопоставил время конца 50-х – начала 60-х гг. с их волной обновления и 70-е гг. как «штиль»⁸, Ф. Кузнецов реагировал весьма эмоционально. В статье с характерным для застойного периода заглавием «На том стоим (Черты литературы зрелого социализма)» он писал: «Это наше-то время, полное динамики и борьбы, гражданских страстей и противоречий, – время «штиля»?! Какая социальная глухота!»⁹

Этот критик, близкий в ряде отношений к «эмпирикам», имел, однако, свою теорию, согласно которой раньше в литературе на первом плане были проблемы «хлеба насущного», а в период «развитого социализма» – проблемы «хлеба духовного», т.е. нравственные и философские. Провозглашенная им в многочисленных статьях и книгах, эта теория без изменений вошла и в его сборник 1986 г. «Родословная нашей идеи», высоко оцененный в качестве монографии представителями «эмпирической» критики¹⁰, когда уже стоял вопрос о комплексной «перестройке». «Только полное и органическое смыкание экономического, социального и духовного дает эффект качественной цельности нового строя»¹¹, – писал «отец перестройки» А.Н. Яковлев.

Перестройка отодвинула на периферию читательского внимания большинство «лидировавших» представителей «методологического эмпиризма», но некоторые из них, включая Ф. Кузнецова, выступили в числе ее активных пропагандистов.

«Правее» (по тогдашней, обратной принятой на Западе, терминологии), т.е. консервативнее, линии «методологического эмпиризма» стояла группа критиков, ориентированная не столько на приравнивание писателей-художников и авторов иллюстративно-декларативных романов, сколько на голословное возвеличивание этих последних. В 1980-е гг. с такой тенденцией написаны многочисленные книги Б. Леонова: «Всеволод Кочетов» (1981), «Духовный арсенал народа. Героико-патриотическая тема в советской литературе 60–70-х годов» (1982), «Героизм, патриотизм, народность» (1984) и др., книги Н. Еселева «Рассказы о характерах (По романам А. Иванова)» (1980) и И. Козлова «Александр Чаковский» (1983), многие статьи в журналах «Молодая гвардия» (главный редактор Анатолий Иванов) и «Огонек» в период редакторства А. Софронова, а нередко и в «Нашем современнике».

Так, в статье А. Байгушева «Романтика современности», имеющей подзаголовок «Штрихи к эстетическому портрету 80-х годов», хотя напечатана она была в «Молодой гвардии» в начале десятилетия (1982), центральным событием литературной жизни назван огромный неудобочитаемый роман Г. Маркова «Грядущему веку», который выводится из традиции Л. Толстого, Достоевского, Горького и «рядом» с главным героем которого Антоном Соболевым критик ставит Вихрова из «Русского леса» Л. Леонова¹². «В самое последнее время редкий успех выпала на долю таких произведений, как “Драчуны” М. Алексева, “Корни и крона” В. Кожевникова, “Год без войны” А. Ананьева»¹³, – писал А. Байгушев, далее вновь называя роман «Годы без войны» «Годом...» (очевидно, не подержав в руках сей «шедевр»). Относительно содержательный роман «Драчуны» попал в этот контекст, так как здесь перечислены произведения главных редакторов «толстых» журналов, а М. Алексеев (в принципе отнюдь не даровитый и не прогрессивный беллетрист) возглавлял журнал «Москва». Высокие оценки даны также А. Софронову и П. Проскурину, зато Ф. Абрамов уличен в «столь литературно выглаженном языке, что невольно вспоминалось, что писатель начинал свою деятельность критиком»¹⁴. Во второй же половине 80-х гг. ситуация изменилась, покойный Ф. Абрамов был признан одним из предшественников «перестройки», и А. Байгушев в статье, написанной к юбилею председателя совета по прозе Союза писателей П. Проскурина, которого сравнил с Бальзаком, выступил и в защиту автора «Пряслиных»: «<...> а обвиняли Абрамова и в устарелости формы, и в книжном языке, и, ко-

нечно, в “очернительстве”¹⁵. В серии статей «Преодоление» («Молодая гвардия». 1987. № 4, 6, 12) А. Байгушев ратовал за публицистичность критики и против ее научности, подменял понятие «шестидесятники» (в смысле 60-х гг. XX в.), рисуя предшественниками перестройки своих единомышленников.

Представители «правой» критики не только возвеличивали одних писателей, но и ниспровергали других, не зная меры. Например, А. Иезуитов, критикуя мистико-идеалистические тенденции в литературе и публицистике, без всякого учета художественной условности разоблачал рассказы В. Распутина «Наташа», в котором автор узнает в медсестре «спутницу по своим таинственным полетам с ней, почти ангельским», и Б. Екимова «Мальчик на велосипеде», где «так и неясно: действительно ли мальчик, разогнавшись с горы, полетел на велосипеде или это опять чье-то видение, ставшее для кого-то реальностью?»¹⁶

Манифестом антиперестроечных настроений стала статья заместителя главного редактора «Молодой гвардии» Вяч. Горбачева «Перестройка и подстройка». Начав с критики бюрократизма, автор высказался за смягчение отношения к Сталину и отождествил застой и безнравственность с зарубежными влияниями в культуре, а проводником их бездоказательно объявил наиболее «левых» журналистов, определив публикации последнего времени словом «набоковщина» (его тут же подхватил А. Байгушев¹⁷). «В нашей литературной, и шире – духовной жизни давно пора говорить не о тенденциях и противоречиях прогресса, а о той возможной опасности, которая наметилась с приходом нового руководства в такие литературно-политические и литературно-художественные издания, как “Огонек”, “Советская культура”, “Московские новости”, “Неделя”»¹⁸. Редакция журнала «Октябрь» и критик Н. Иванова демонстративно отказались вступать в полемику с Вяч. Горбачевым¹⁹.

В первой половине 80-х гг. некоторые авторы, не удовлетворенные методологическим состоянием критики, искали новых подходов с помощью укрупнения проблематики. А. Метченко призывал брать проблемы в масштабе века²⁰, вслед за Ч. Айтматовым подчеркивал свойство современной литературы (социалистического реализма) «мыслить глобально и заботиться о судьбе каждого»²¹, ставил в центр внимания задачу изучения социалистической цивилизации, делая акцент на «принципиальных различиях двух цивилизаций»²². В. Ковский исследовал проблему «литература в масштабе культуры»²³. Масштабом культуры эпохи пользовался и Р. Бикмухаметов, поднявший вопрос о художественном, а не только социально-политическом и идеологическом единстве советской многонациональной литературы и предложивший решать его на путях исторической поэтики²⁴. Ю. Андреев в статье «Абсолютное и сиюминутное»

(«Октябрь». 1985. № 7) и в выступлении на Шестом съезде писателей РСФСР (декабрь 1985 г.) требовал укрупнения явлений в литературе, как это было у классиков, т.е. максимального обобщения, проявления абсолютного в сиюминутном. Все эти критики и литературоведы, несхожие между собой, выступали как социалистические «глобалисты». Такой подход имел некоторое право на существование, но приглушал остроту «сиюминутных», а точнее, конкретно-исторических проблем, вся глубина которых вскоре была вскрыта «перестройкой».

Большое влияние в 80-е гг. получило направление, которое иногда очень неточно называют неославянофильским (А. Латынина определила его как «национал-радикализм»²⁵). К нему относились В. Кожин, В. Васильев, М. Лобанов, А. Ланшиков, И. Рогощенко, А. Казинцев, В. Коробов, театровед М. Любомудров и др. Его основной орган – журнал «Наш современник» (главный редактор в 1969–1989 гг. С. Викулов), представители этого направления часто печатались в «Москве» (главный редактор М. Алексеев) и той же «Молодой гвардии». Направление возникло в 60-е гг. под лозунгом защиты национальной культуры от забвения отечественных традиций, от влияния неомодернистских тенденций, прежде всего западных. У его представителей были не одинаковые художественные предпочтения. Они сходились в неприятии поэтов-«эстрадников» (как Е. Евтушенко, А. Вознесенского, так и Б. Окуджавы, В. Высоцкого), «интеллигентской» прозы, представленной именами Ю. Трифонова и писателей «московской школы», например В. Маканина, произведений так называемой «женской прозы» (И. Грековой, М. Ганиной и др.) и в самой высокой оценке писателей-«деревенщиков», особенно В. Шукшина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина (сложнее было с Ф. Абрамовым, прямо и резче всех критиковавшим отрицательные качества своего народа на данном этапе его исторического бытия). Были исключения из правила, но в целом эти тенденции очевидны. Некоторые идейно и качественно однородные явления разводились по причинам вовсе не эстетического свойства. Так, Вяч. Горбачев решительно отвергал романы о войне А. Чаковского (не славянина) и поддерживал столь же бездарного И. Стаднюка²⁶; достаточно сочувственно оценил произведения последнего рано умерший критик Ю. Селезнев²⁷, в принципе обладавший художественным вкусом и довольно широкой культурой.

Имели место и более последовательные различия в подходах. Если П. Выходцев или Ю. Прокушев предпочитали таких стихотворцев, как В. Фирсов и В. Сорокин, с их урапатриотической риторикой («Валентин Сорокин – поэт с чувством высочайшей гражданской ответственности за судьбы мира и, я бы сказал, воинственной, наступательной партийности»²⁸), то В. Кожин много сделал для популяризации и общественного

признания так называемой «тихой лирики», прежде всего Н. Рубцова, а также В. Соколова, А. Прасолова, А. Жигулина и других довольно талантливых поэтов.

Журнал «Наш современник» часто выступал с позиций крестьянства, в сравнительно недавнем прошлом составлявшего большинство русской нации. «Новую деревню, – утверждал С. Викулов, – удастся построить лишь тогда, когда в нее перейдет из бывшего все лучшее, здоровое, проверенное народом»²⁹. Но во многих публикациях его единомышленников сказалось неаналитическое приятие прошлого в целом, а не только лучшего в нем. Особенно большой резонанс получила статья М. Лобанова «Освобождение», напечатанная в 1982 г. саратовским журналом «Волга» (№ 10). Говоря о романе М. Алексеева «Драчуны», критик противопоставлял его «Тихому Дону» и «Поднятой целине» Шолохова, где вместо примирения соотечественников утверждается их кровавая борьба. П. Николаев отметил демонстративный антиисторизм «в сопоставительном подходе к произведениям разных эпох, с разной проблематикой: гражданская война и детство крестьянских мальчиков в 30-е годы»³⁰.

Статья «Освобождение» была направлена против официального, лакировочного изображения времен коллективизации, что было позитивным моментом, когда разработка темы преступлений государственного масштаба была под запретом. Тогдашняя критика сказать об этом не смогла или не захотела. Но гражданская смелость автора порождалась его нигилистическим отношением даже к технике. М. Лобанов писал в насмешливо-ироническом тоне. Символом преобразований он представлял завезенный на русские поля трактор с чуждым слуху названием «Фордзон». Критик резко порицал Ф. Абрамова за его горькое письмо к землякам «Чем живем-кормимся», а также Г. Гарсиа Маркеса и, в сущности, все зарубежное. Такого рода выступления вызывали упреки в проповеди патриархальных крестьянских идеалов.

Однако «неославянофильство» в целом несводимо к крестьянской народности. В. Васильев в статье «Талант и художественное постижение жизни» (1980) сказал немало верного о «деревенской прозе», об отдельных литературных произведениях, но в теоретической части статьи вместо социально-исторических критериев предлагал критерии «всеобщие»: от времен дикости до наших дней в истории борются материальное начало – «культ грубой силы» (прославление победителей в схватках: Геракла и Ахилла, феодальных рыцарей и т.д.) – и духовное, гуманное, вынашивавшееся в пустынях и монастырях. По В. Васильеву, талант всегда гуманен и народен. Как писал споривший с ним Ю. Суровцев, у него «на одной, “народной”, стороне сгруппировались все таланты, на другой, “ненародной”, – все бездарности и неумехи. Пусть и не любит

Владимир Васильев Ахилла и Роланда, но будет ли он отрицать, что эти фигуры созданы художественно талантливыми авторами?»³¹ Социальная конкретизация у В. Васильева дана по отношению к русскому XIX в. Тогда, утверждал он, «только простой народ и старинная аристократия культурны, имели культ (религиозный, нравственный, политический); средние, промышленные, разночинные слои представляли собой подвижный, оторвавшийся от народной почвы и ни во что определенное не сложившийся материал»³². Здесь сказалось традиционное для данного направления в критике (за исключением А. Ланщикова, автора книги «Н.Г. Чернышевский», 1982) отрицательное отношение к революционным демократам, вообще представителям революционного движения («разрушительного патриотизма»), и не только это. Ю. Суровцев отметил, что В. Васильев совершенно игнорирует буржуазию и пролетариат, а также пронизанность творчества писателей-дворян XIX в. демократическими тенденциями³³. Социальная природа литературы, пишет В. Васильев, после революции «отчасти становится крестьянской»³⁴. Критика Ю. Суровцева здесь слишком форсированна, словно было сказано «полностью», а не «отчасти»; но другие «части» социальной природы советской литературы автор статьи о таланте явно недооценивал.

Неоднократно с теоретико- и историко-критическими статьями выступал В. Кожин, основной теоретик направления. Еще в 70-е гг. он настойчиво доказывал, что русская классическая литература XIX в. не имеет отношения к «критическому реализму» и должна быть отнесена к реализму возрожденческому, основа которого в кожиновской концепции, как отметил А.Г. Дементьев в статье «О некоторых книгах из серии «ЖЗЛ»» (1981–1982), – «единство нации, личности и государства»³⁵. Более того, это «единство» распространено В. Кожинным на всю русскую историю. Так, в статье «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» («Наш современник». 1981. № 11) он противопоставил по этому признаку Россию всем западноевропейским народам, подчеркнув якобы значительно меньшую жестокость русских друг к другу и не только друг к другу. «Западное мышление», по В. Кожину, – «расщепленное», русское – «целостное», там думали о правах, у нас о совести, там было соотношение «индивид и нация», тут «личность и народ». Критик сделал упрек Ч. Айтматову за изображение жуаньжуаней в романе «И дольше века длится день» слишком жестокими – это не в традициях русской отзывчивости. «Вот и выходит, – заметил В. Кулешов, – что поищи получше – и у Атитлы найдешь добродетель...»³⁶

Утверждая «единство нации, личности и государства» как извечное и неотъемлемое свойство русского национального мышления, «неославянофилы» заняли позицию *абстрактной*, внесоциальной *народности*.

В эту концепцию не вписывалась революционность, а иногда и оппозиционность, протест против эксплуатации или деспотизма верховной власти, будь ее держателем Иван Грозный или И.В. Сталин. Именно отсюда проистекали острая критика коллективизации как разрушения старинного уклада крестьянской жизни и в то же время некоторая приглушенность критики сталинизма, а в «Молодой гвардии» нередко и прямая его поддержка. Так, в статье «Правда и истина» («Наш современник». 1988. № 4) В. Кожинов совсем как Вяч. Горбачев³⁷, но неизмеримо изощреннее обвинял в разрушении старой Москвы и методах проведения коллективизации больше Л.М. Кагановича и наркома земледелия Я.А. Яковлева (Эпштейна), чем И.В. Сталина или В.М. Молотова. Автор статьи доказывал несостоятельность позиции А. Рыбакова в «Детях Арбата», используя выражение «детско-арбатское» представление об истории», прежде всего на том основании, что писатель, как и многие его единомышленники, за сталинскими репрессиями против интеллигенции не рассмотрел гораздо больших жертв народа во время Гражданской войны, коллективизации и голода 1933 г. Упреки сами по себе были основательны, хотя по своему характеру это была критика произведения не столько за то, что в нем есть, сколько за то, чего в нем нет. В. Кожинов проводил мысль о неизбежности колоссальных жертв в любой революции. Культ личности Сталина представал, по существу, как ее закономерное и неизбежное порождение, но в то же время репрессии Сталина интерпретировались как нечто совершенно нерусское.

В. Кожинов и особенно член редколлегии «Нашего современника» историк и публицист Ап. Кузьмин неоднократно высказывались против так называемой теории «двух культур» в каждой национальной культуре, утверждали, что Ленин после революции отказался от нее как от временного лозунга. Полемике против классового подхода, часто действительно слишком прямолинейного, и начетнического понимания Ленина, которое авторы видели у Ю. Суровцева, П. Николаева, Вас. Новикова, С. Калтахчяна и др., в «Нашем современнике» были посвящены статьи Ап. Кузьмина «Мели в экстерриториальном потоке» (1987. № 9), В. Кожинова «“Мы меняемся”? Полемические заметки о культуре, жизни и “литдеятелях”» (1987. № 10), ряд предшествующих их выступлений. В статье «“Мы меняемся”?» от В. Кожинова уже не в первый раз досталось и покойному Ю. Трифонову за то, что он вырос от романа «Студенты» (1950), прославлявшего борьбу студентов с профессорами-«космополитами», до повести «Дом на набережной» (1976), где та же ситуация была подана с почти противоположной оценкой, переосмыслил вместе со всем обществом после XX съезда КПСС многое в своем сознании. Аналогично В. Бондаренко в статье «Очерки литературных нравов» уп-

рекал Анат. Рыбакова, чьи литературные привычки были более устойчивы: «Надо было воспитать поколение детей на “Кортике” и “Бронзовой птице”, увлечь их поисками врагов народа, вредителей и диверсантов, чтобы спустя время прийти к “Детям Арбата”»³⁸. При этом не упоминался роман «Тяжелый песок» (1978) – «эпическое полотно из жизни еврейской семьи в России и за границей в период с 1910 по 1943»³⁹. Наряду с Рыбаковым В. Бондаренко порицал Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского – хрущевских «мальчиков для битья», относивших себя к «детям XX съезда». Однако более гибкий в оценках и вкусовых предпочтениях, чем критика «Нашего современника», а тем более «Молодой гвардии», В. Бондаренко отметил устойчивость убеждений и поведения очень разных художников: В. Распутина, В. Астафьева, В. Быкова, Ю. Кузнецова, Б. Ахмадулиной, Д. Самойлова, А. Межирова, В. Белова, С. Залыгина, Ю. Бондарева. «Не требовалось перестраиваться и реальным нашим критикам самых разных направлений, от М. Лобанова до И. Золотусского, от В. Кожина до В. Гусева»⁴⁰. В. Бондаренко перечислил также менявшихся и не менявшихся писателей прежних периодов советской литературы (как показал в споре с ним Б. Сарнов, перечислил с ошибками и натяжками⁴¹). Позиция В. Бондаренко была заявлена как антиконъюнктурная. Но с конъюнктурностью им отождествлялась всякая способность меняться в процессе творческого роста и исторического развития действительности. Для последовательных же приверженцев абстрактной народности это была принципиальная установка. В. Белов, талантливый писатель, но нередко весьма тенденциозный мыслитель, который свою любовь к деревне довел до ненависти к городу, остался равнодушен к горячим публикациям «антикультовского» 1987 г.: «Мне кажется, в литературе ничего такого особенного не произошло. Меня не взволновали ни громкие ретроспективные публикации, ни публикации новинок»⁴², – а несколько ранее П. Проскурин, близкий в некоторых своих предпочтениях к активу «Молодой гвардии», прямо выступил с порицанием повышенного внимания журналов к ранее запрещенному наследию, услышав в этом «запашок некоего литературного некрофильства»⁴³. Против таких произведений, пришедших к читателю на волне перестройки, как «Исчезновение» Ю. Трифонова и «Зубр» Д. Гранина, высказался в «Нашем современнике» заместитель его главного редактора А. Казинцев⁴⁴.

В 70-е – первой половине 80-х гг. национально-патриотическое направление было в известной мере оппозиционным, стояло «левее» официально проводившейся линии. Главным образом его представители подвергались критике за отход от марксистско-ленинской методологии, в то время как «методологический эмпиризм» был надежно от таких

обвинений защищен. В отличие от линии «Молодой гвардии» основная линия «Нашего современника» нередко была и по существу, и по формам выражения не официальной, не «казенной». Критики журнала выступали как антидогматики. Они искусно владели приемами полемики, а такие авторы, как Ап. Кузьмин и особенно В. Кожин, вводили в оборот огромное количество неизвестных широкому читателю фактов истории, культуры, социальной мысли, конечно, с большим отбором и в своей интерпретации. Это способствовало появлению у национально-патриотического направления новых сторонников. В период же «перестройки» это направление, ни в чем не изменив себе, объективным ходом вещей сдвинулось «вправо» от новых идеологических установок.

К нему принадлежали, в частности, выступавшие в критической публицистике поэты Ст. Куняев, Ю. Кузнецов, Т. Глушкова, известные в этом качестве своими скандальными нападками на Б. Пастернака, М. Булгакова, А. Ахматову, М. Цветаеву, Э. Багрицкого, М. Светлова, К. Симонова и поэтов, погибших на войне, В. Высоцкого и других, достаточно разных художников.

Близки были к критикам направления абстрактной народности и авторы книг в области популярного литературоведения, на рубеже 70–80-х гг. обсуждавшиеся в критике вместе с М. Лобановым (книга «Островский»): И. Золотусский («Гоголь») и Ю. Лошиц («Гончаров»). По сравнению с «мужиковствующим» М. Лобановым И. Золотусский – скорее уж «интеллигентствующий», но неприятие «разрушительного патриотизма» свойственно ему в такой же степени. Как критик текущей литературы, он занимал совершенно особую позицию. Не имея готовых предубеждений в отличие от критиков «Нашего современника», он стремился в современных произведениях, как и в литературе XIX в. (у Гоголя, Жуковского и даже Лермонтова⁴⁵), находить прежде всего приятие положительного содержания жизни. Характерны уже заглавия статей, с которыми он выступил в дискуссиях о синтезе в литературе и о литературных итогах 70-х гг.: «Познание настоящего» («Вопросы литературы». 1975. № 10) и «Оглянись с любовью» («Литературное обозрение». 1980. № 12). А вместе с тем для него в высшей степени характерны выступления, которые он в своей книге «Трепет сердца» (1986) объединил в раздел «Заметки Зоила», и статья «Доколе?», где автор одинаково громил тех литературоведов, которые допускали грубейшие фактические ошибки, и тех, которые продолжали относить творчество Гоголя к сатире⁴⁶. В период «перестройки» его больше всего беспокоило сохранение зон вне критики: «До сих пор литература лжи стоит нетронутая»⁴⁷.

Для «левой» критики радикальной демократической ориентации, «шестидесятников», условия в первой половине 80-х гг., как и в 70-е,

были крайне неблагоприятными. После разгона редколлегии «Нового мира», возглавлявшейся А. Твардовским, в 1970 г. эта критика осталась без своего печатного органа. У В. Бондаренко были причины сказать, что в период застоя одному «Нашему современнику» удавалось печатать независимые статьи и что «травили в эти годы <...> Юрия Селезнева и Михаила Лобанова»⁴⁸, но это потому, что В. Лакшин или Ю. Буртин вовсе не имели возможности высказываться о современной жизни и литературе в соответствии со своими убеждениями, как в 60-е гг. «Новомирские» критики 60-х гг. В. Лакшин, И. Виноградов, Ст. Рассадин, А. Турков перестали выступать со значительными, концептуальными статьями по основным проблемам современности и сосредоточились на изучении литературы XVIII – начала XX в. от Фонвизина до Блока, стремясь дать ее свежее толкование в общедемократическом духе для широкого читателя и телезрителя (в 1988 г. В. Кожин презрительно упомянул «широко известного сейчас телевизионного комментатора В. Лакшина»⁴⁹ – в 60-е гг. едва ли не самого знаменитого литературного критика, а И. Золотусский немногим ранее подверг его разному за то, что он в своей «Биографии книги» делит героев истории и литературы на «чистых» и «нечистых» и «одних ставит по одну сторону баррикады, других – по другую»⁵⁰). В. Кардин выпускал книжки о советских писателях 20–30-х гг., написал повесть о Бестужево-Марлинском и т.д.

Явным единомышленником «новомирцев» в следующем поколении критиков была Наталья Иванова. Она выбрала главным героем своих исследований писателя, очень далекого от идеологических трюизмов (книга «Проза Юрия Трифонова», 1984). Подобно «новомирцам», она, исходя из общечеловеческих критериев, была максимально строга к произведениям, получившим признание. Когда во время «круглого стола» на тему «Современный роман – современность в романе» («Вопросы литературы». 1981. № 9) А. Овчаренко сказал, что в романе Ю. Бондарева «Выбор» «Илья Рамзин вернулся на Родину, чтобы смертью доказать, что в XX веке возможен только один выбор»⁵¹, Н. Иванова проявила больше лояльности к невозвращенцу: «Был ли у Ильи выбор? Или бессмысленно погибнуть из-за лжи Воротюка, или... Не отступил ли писатель перед столь тяжкими жизненными обстоятельствами, возложив вину целиком на Илью, да еще заставив его искупить эту вину собственной смертью?» Это типично «новомирский» этический подход. Поставив же вопрос о том, как вел себя Васильев в 40-е и 50-е гг., Н. Иванова намекнула на обход Ю. Бондаревым непосредственно послевоенного испытания людей в обстановке культа личности; отметив насыщенность романа «светской жизнью», связала этот «отпечаток некоей, мягко говоря, недемократичности»⁵² с непродуманностью писательской концепции до

конца (во второй половине 80-х гг. эту мысль стал развивать, говоря не только о Бондареве, И. Дедков). Но прежней «новомирской» безоглядой остроты в критике застойных лет было немного.

Со второй половины 1986 г. наступило настоящее ускорение литературной жизни, а с ним и усиление критицизма, который был органичен для авторов, верных принципам «Нового мира» 60-х гг. И. Дедков в статье «Перед зеркалом, или Страдания немолодого героя» («Вопросы литературы». 1986. № 7) разобрал новый роман Ю. Бондарева «Игра» гораздо строже, чем Н. Иванова в 1981 г. разбирала «Выбор»; В. Кожин поспешил назвать статью И. Дедкова «разгромной»⁵³ еще до подписания в свет журнального номера с ней, не зная, что в том же номере печатается статья Ю. Идашкина (в 60-е гг. – одного из авторов кочетовского «Октября») «Оглянись во гневе» с положительной оценкой «Игры»⁵⁴. В. Кардин в статье «Давайте после драки помашем кулаками...» («Вопросы литературы». 1986. № 8) столь энергично возродил «новомирский» критицизм, что вызвал удивленную реплику С. Чуприна – автора многих «творческих портретов» современных критиков – о возникшем у него ощущении, что критик, «дождавшись наконец-то своего часа, чинит былинную расправу... Неужели опытейший В. Кардин действительно уверовал, что против лома нет приема?»⁵⁵ Такую критическую практику активно продолжили Б. Сарнов и Т. Иванова в массовом журнале «Огонек», круто изменившем свою ориентацию с приходом на пост главного редактора В. Коротича в 1986 г.

В традициях «новомирцев» была взыскательность до придирчивости и в отношении тех произведений, которые объективно были им близки. Но традиции забылись, поэтому неожиданно для многих прозвучала критика В. Лакшина в адрес «Плахи» Ч. Айтматова – одной из первых вех духовного обновления жизни. В. Лакшин в двух номерах «Известий» (от 2 и 3 декабря 1986 г.) разобрал «Плаху» вместе с романом В. Белова «Все впереди», расценив оба произведения почти в равной мере как досадные неудачи значительных писателей. Критик утверждал, что роман Айтматова, несмотря на ряд частных блистательных удач, не состоялся как художественное целое, «оказался беднее своего замысла», а неудача Белова-обличителя объясняется его убеждениями: «Белов не скрывает того, что он воинствующий архаист»⁵⁶. Но хотя это не одно и то же, произведения, рассмотренные рядом, как бы поставлены в статье на одну доску. Общие оценки литературного процесса в конце статьи выглядели не вполне органичным дополнением при всей важности поставленных вопросов: о соотношении художественной литературы и публицистики, вечного и временного, о полноте гласности, об отсутствии ярких имен молодых писателей, какие появлялись в 20-е, 30-е, 50-е, да и в 60-е гг.

(те же Айтматов и Белов), и др. Но желание критика высказаться обо всем этом было больше чем естественным, и умение находить достоинства, а особенно недостатки отдельных сторон и частей литературного произведения он продемонстрировал высокое.

Однако была тема, которую «новомирцы» поддерживали практически при любом исполнении, – тема культа личности, злоупотреблений и преступлений сталинских времен, ничем не оправданных страданий и гибели людей. Во второй половине 80-х эту традицию буквально возродила Н. Иванова. В обзоре прозы 1986 г. она немало говорила о художественных недостатках романов В. Астафьева «Печальный детектив» и В. Белова «Все впереди», не совсем правомерно отождествив их позиции (у Астафьева нет однозначного противопоставления города и деревни, его критицизм более универсален), предъявила им в «новомирском» духе моральные претензии (Астафьев зло иронизирует над Октябриной Перфильевной, поскольку ее трое детей от разных мужей и она, следовательно, растит их одна; у Белова положительный герой Медведев о детях и бывшей жене «всерьез и не думает – его волнует лишь уязвленное самолюбие»⁵⁷), противопоставила В. Белову Ф. Абрамова, стремившегося разобраться в неблагополучии современной народной жизни, называвшего психологию своих односельчан иждивенческой; приветствовала «Пожар» В. Распутина, который словно пророчески предрек страшный пожар Чернобыля, и «Плаху» Ч. Айтматова, хотя не умолчала и о недостатках романа. Но самые восторженные слова были сказаны не о «Плахе», не о повести В. Быкова «Карьер» и даже не о «Ювенильном море» А. Платонова (напечатанном тоже в 1986 г.), а о публицистическом по характеру и по стилю романе А. Бека «Новое назначение», где впервые после долгого перерыва читатель увидел образ Сталина, очерченный только отрицательно. Н. Иванова ставит имя этого писателя впереди имен самых значительных художников 60–70-х гг.: «<...> легче всего грешить и каяться.... Но я задумываюсь: кто грешил? Бек? Трифионов? Абрамов? Шукшин? Семин? Быков?»⁵⁸

И в этой статье, и в другой – «Легко ли быть?..» («Дружба народов», 1987. № 5) – Н. Иванова путем пересказа многочисленных мелодраматических повестей высмеивала их надуманность, стереотипность и ложный трагизм. Она противопоставляла им документальные произведения о сталинских лагерях и ссылках, принципиально предъявляя к беллетристике и документальным повествованиям одинаковые требования в нравственно-психологическом плане, что тоже отвечало традиции старого «Нового мира». По справедливости высоко оценивая творчество «шестидесятников», она и в современности возводила все ценное только к ним и вслед за И. Дедковым полностью отвергала поколение «со-

рокалетних», упрекала его представителей: В. Маканина («Один и одна») – в том, что он возлагает вину за неудавшиеся судьбы своих героев-«шестидесятников» на них самих, С. Есина («Временитель») – в том, что он показал только дрязги, а не расцвет университетской жизни в 60-е гг., словно тогда был только «расцвет» и словно «шестидесятников» победили и оттеснили не их же менее окрыленные современники. Зато в романе Ю. Трифонова «Исчезновение», действительно глубоко освещающем тему репрессий 1937 г., автор статьи не хочет видеть никаких недостатков, о которых заявила А. Латынина, оговорив незаконченность романа⁵⁹. В статье Н. Ивановой «Отцы и дети эпохи» «антикультовские» романы Ю. Трифонова, В. Дудинцева, А. Рыбакова оценены почти одинаково высоко, а о герое «Детей Арбата» Саше Панкратове сказано: «Могла ли его судьба сложиться в те годы иначе?»⁶⁰ – как будто в 30-е гг. каждый честный человек обязательно должен был побывать в тюрьме или ссылке. Но статья написана с самозабвенной искренностью и страстностью, а вместе с тем аналитична, как и следующая – «Хранить вечно» («Юность». 1988. № 7), тоже «антикультовская» – о произведениях Л. Чуковской, Б. Ямпольского, В. Гроссмана.

В рецензии же на повести С. Антонова «Васька» и «Овраги» Н. Иванова показала, что вполне естественные эмоции могут сочетаться с поправками холодного разума: «Мы читаем “Овраги” п о с л е “Комиссии”, “Канунов” и “Мужиков и баб”. У Антонова практически повторяется набор известных действующих лиц. Незаметно, но вырабатываются новые, “обратные” стереотипы: теперь с раскулаченного хоть икону пиши, бедняк же непременно обнаружит нерадивость, завистливость, а то и просто подлую сущность»⁶¹. Оценка повестей С. Антонова положительная, но более сдержанная, чем оценки тех произведений, в которых непосредственно всем сюжетом разоблачается Сталин, – скорее уже «лево-центристская», чем «лево-радикальная».

Критика «Нового мира» 60-х гг. попробовала возродиться и на теоретической базе. Бывший его сотрудник Ю. Буртин напомнил о «реальной критике» в понимании Н.А. Добролюбова, которая на примере литературы говорила о жизни, решала важные общественные вопросы, исходя из общей большой идеи. Проанализировав многие отзывы критиков (Ф. Чапчачова, Н. Потапова, И. Золотусского, Е. Стариковой, Н. Котенко, А. Урбана, В. Козько, Ф. Гилиса, А. Бочарова) о таком волнующем произведении, как «Пожар» В. Распутина, Ю. Буртин пришел к убедительному заключению, что все они остановились перед конечным решительным выводом, недоговорили чего-то принципиально важного, не продемонстрировали концепцию современной жизни. Фактически этот упрек адресовался «методологическому эмпиризму». Образцом же

«реальной критики» в недавнем прошлом Ю. Буртин назвал критику «Нового мира» 60-х гг., которая, по его словам, была пронизана единой идеей – идеей демократизации⁶².

Спустя два месяца в статье «Вам, из другого поколения...» К публикации поэмы А. Твардовского «По праву памяти» («Октябрь». 1987. № 8) он вернулся к «новомирской» тематике и объяснил причины ликвидации редколлегии Твардовского. «Новый мир» занимал истинно партийную позицию в духе XX съезда, а после снятия Н.С. Хрущева с руководящих постов (в 1964 г.) Л.И. Брежнев и М.А. Суслов проводили линию на свертывание демократизации, на замалчивание преступлений сталинских времен. Тогда «Новый мир» превратился в орган *социалистической* оппозиции и выдерживал несколько лет неравную борьбу благодаря авторитету народного поэта А.Т. Твардовского. Установка на забвение, парадность, отказ от демократизации привели к застою и всеобщему равнодушию, которое теперь так трудно преодолеть.

Статья «Вам, из другого поколения...» потрясла читателей и вызвала лавину писем. Автор одного из них журналист И. Ярославцев писал, что «статья едва ли не приобретает сегодня большее значение, чем сама поэма <...>. Потому что именно с этой статьи, на мой читательский взгляд, начинается новый этап (или период, как угодно) нашей литературной критики, рассматривающей не только само произведение, а эпоху, в которой оно создано»⁶³. Ю. Буртин и вслед за ним И. Дементьева и В. Лакшин⁶⁴ рассказали подробности постепенного наступления на «Новый мир» Твардовского и его «разгона», подробности тем более необходимые, что свои версии событий поспешили высказать противники журнала Твардовского, причастные к его гибели.

Однако основная мысль статей Ю. Буртина не была столь безоговорочно поддержана, как рассчитывали читатели. Очень скептически отнесся к задаче проводить во всех статьях основную большую идею Лев Аннинский, критик-парадоксалист, неоднократно декларировавший независимость критика от произведения: разбор, считает он, нужен для того, чтобы высказать свое личное соображение, равноправное с тем, что сказал писатель⁶⁵. «Но представьте себе, что эта идея победила, – сказал Л. Аннинский при обсуждении критики 1987 г. – И возникла ситуация, когда все высказываются свободно и вовремя. Кому нужна тогда демократия в качестве откровения? Что тогда будет делать “новый Добролюбов”?»⁶⁶. Не посчитал убедительными предложения младшего товарища и И. Виноградов, некогда один из активнейших «новомирцев». Он выступил против идеи одного только «нового Добролюбова» за полный плюрализм мнений, теорий и мировоззрений, за «новых» Дружинина, Антоновича, Григорьева, Писарева, Страхова, Михайловского, Бердяева, Розанова⁶⁷.

Очевидно, что буквальное возрождение «новомирских» принципов не могло стать единственным и даже основным путем развития всей критики, тем более что самооценки редко бывают объективными. В частности, сближение «новомирских» принципов с добролюбовскими было осуществлено на довольно абстрактной основе, ведь Добролюбов был не просто демократ, а революционный демократ, представитель вполне определенного социального учения своего времени, не очень-то терпимо, «недемократично» относившийся к тем, кто мыслил иначе.

Как у национально-патриотического направления были экстремисты в лице Ст. Куняева и Ю. Кузнецова, так и от направления «левого радикализма» отвечали свои проявления экстремизма, но серьезные критики их, как правило, не поддерживали. В период перестройки в некоторых статьях, обычно принадлежавших не профессиональным литераторам, раздавались призывы к полному смещению всех прежних акцентов. Так, в газете «Московский художник» поэзия Маяковского была объявлена идеологической подготовкой сталинских репрессий. Отвечать на это приходилось уже профессиональным критикам, например Ал. Михайлову⁶⁸.

Чаще всего более или менее объективный анализ и оценку литературы давали критики не «правой» и не «лево-радикальной», а «лево-центристской» ориентации: А. Латынина, А. Марченко, А. Бочаров, Г. Белая, Е. Старикова, Ал. Михайлов, Ст. Лесневский, В. Пискунов, Е. Сидоров, С. Чупринин, Вл. Новиков (двое последних вскоре сильно «полевели»). В первой половине 80-х гг. некоторые из них на тогдашнем фоне были «левыми», в том числе склонными к острому критицизму, как Алла Латынина. В период перестройки статьи большинства из них не так будоражили общественность, как, с одной стороны, статьи Ю. Буртина, Ю. Карякина, Нат. Ильиной, И. Клямкина, Б. Сарнова и других «левых» или, с другой стороны, Вяч. Горбачева, М. Лобанова, В. Кожина, А. Казинцева, В. Бондаренко; в них обычно было меньше острых и новых для читателя фактов и мыслей, но суждения этих критиков нередко были более взвешенными. Они не составляли какой-то группы, которая имела бы общую программу (не в смысле принятого документа, а в смысле некоего идейного комплекса, как у национал-патриотов или, напротив, «левых радикалов»). Каждый критик был достаточно индивидуален и отличался собственным, по преимуществу довольно трезвым взглядом на вещи, эрудицией, стремлением к объективности даже вопреки своим симпатиям. А. Марченко, А. Латынина, С. Чупринин принадлежали к наиболее «левым»; Ал. Михайлов, А. Бочаров ближе других стояли к «центру» – у них были широкие предпочтения, они признавали в советской литературе самых разных прозаиков и поэтов, но непременно име-

ющих хотя бы какие-то подлинные, не мифические достоинства. «Левостранники» избегали крайностей в оценках. Е. Сидоров даже получил от С. Чупринина прозвище «завершителя дискуссий»⁶⁹. В спокойной, аналитической манере, близкой к академически-литературоведческой, писал о творчестве, например, Ю. Трифонова и С. Залыгина В. Пискунов (в соавторстве с С. Пискуновой)⁷⁰.

Плодовитый критик и литературовед А. Бочаров занимался современной прозой любой тематики, хотя особенно близка ему была военная проза. Он часто выступал с газетными обзорами литературных новинок, причем подбор произведений мог быть более или менее случайным, имена авторов – как известными, так и неизвестными: критик стремился отметить и объяснить читателю ценное и интересное везде, где для этого находились основания. Например, в заметках «Лично причастен» анализировались «быль» о саперах Е. Гончарова «Завод», беллетризованное исследование В. Карпова «Полководец» (о маршале Жукове), лирико-документальная повесть Е. Ржевской «Ворошенный жар», повесть К. Колесова «Самоходка номер 120»⁷¹. Вероятно, не только как автор книги «Василий Гроссман» (1970) А. Бочаров взялся за комментарий особого, нового типа: при публикации конфискованной в 1961 г. рукописи романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в четырех журнальных номерах («Октябрь». 1988. № 1–4) критик сопровождал текст своей статьей в каждом номере. Признавая, что некоторые проблемы писатель подает «с нажимом», А. Бочаров объяснял это условиями, в которых создавался роман, и своеобразием творческой индивидуальности автора. Раскрывая достоинства писателя, говоря о его художественной смелости и стремлении (не всегда удававшемся) к объективности, критик довольно строго высказывался об одном из основополагающих «новомировских» тезисов 60-х гг.: «<...> в “Жизни и судьбе” нет ни запальчивой апологии “окопной правды”, ни намеренной полемики с “армейским НП”, автор выше этих навязанных нашей литературе никчемных споров. Просто правда сталинградских боев совпала с жизненной мироконцепцией Гроссмана»⁷².

Е. Старикова дала самый объективный анализ романа В. Дудинцева «Белые одежды»⁷³: не поддавшись искушению сенсационности, высоко оценила гражданскую позицию писателя, реальные достоинства его много лет вынашивавшегося произведения о «лысенковщине» и достаточно подробно остановилась на его художественных несовершенствах.

А. Марченко и А. Латынина аналитически подошли к позитивным моментам и полемическим крайностям противоборствующих направлений. Алла Марченко с фактами в руках выступила против наметившейся в «левой» критике идеализации общественной атмосферы 60-х гг., поста-

вила документальную повесть «Зубр» Д. Гранина выше «Белых одежд» В. Дудинцева с их архаической формой, защитила повесть В. Маканина «Один и одна» от обвинений в прокурорском тоне со стороны Н. Ивановой (в повести рассказывается не обо всем поколении «шестидесятников», а о двух его представителях), охарактеризовала жанровые особенности современной критики⁷⁴. В спорах 60-х гг. она безоговорочно поддерживает «Новый мир», но постаралась понять и субъективную логику его главного противника Вс. Кочетова. Она рассказала историю создания фильма о нем по сценарию, написанному Ю. Идашкиным, который начинал под покровительством Кочетова свое литературно-критическое поприще. В этом фильме писатель М. Алексеев произносит с экрана, что именно Кочетова следует вспомнить в связи с рожденной XXVII съездом КПСС гласностью. «Как ни парадоксально, – пишет А. Марченко, – но первой моей реакцией было... защитить В. Кочетова от “этаких похвал”. Он-то говорил то, что думал, и жил так, как говорил»⁷⁵. Позиция Кочетова не отождествлена в статье с утверждавшейся во второй половине 60-х гг. официальной линией: он был «крайностью», а политика, проводившаяся под знаком «стабильности», в крайностях не нуждалась.

А. Марченко скептически отнеслась к надеждам на то, что публикация запрещавшихся ранее произведений М. Булгакова, А. Платонова, В. Набокова и др. «поднимет планку», повысит уровень текущей литературы: «Ну и что? Живая собака куда страшнее мертвого льва! Сосуды-то не сообщающиеся! Богу (Есенин, Пастернак) – богово, а кесарю – Исаеву, Дементьеву, Викулову, Рождественскому – кесарево! Конечно, всеильные мира сего слегка потеснились (я имею в виду издательские планы), освободили краешек хлебной скамейки, не сразу и не без раздражения, но тут же и успокоились, сообразив, что горлач – не бездонный и что “некрофильское” направление рано или поздно исчерпает свои запасы!»⁷⁶ «Богам» здесь названы и Есенин – знамя «славянофилов», и Пастернак – знамя «левых радикалов», а среди далеких от уровня классики поэтов упомянуты главные редакторы во многом противостоящих журналов: «Нашего современника» – Сергей Викулов и «Юности» – Андрей Дементьев.

Алла Латынина в статье «Колокольный звон – не молитва» проанализировала крайности и самых «левых» критиков, и представителей «национал-радикализма». О характеристике ряда антисталинских произведений как события скорее общественного, чем литературного, которая дана в статье «Очерки литературных нравов» Владимиром Бондаренко, выступившим со своеобразных «право-центристских» позиций, А. Латынина писала: «Но какой взрыв негодования вызвала в периодике эта достаточно трезвая мысль: Б. Сарнов (“Огонек”, 1988, № 3), Н. Иванова

(“Огонек”, 1988, № 11), Т. Иванова (“Огонек”, 1988, № 8), А. Турков (“Юность”, 1988, № 4)»⁷⁷. Оспорены мысль Ю. Буртина о необходимости возрождения прогрессивного духа 60-х гг. и перечеркивание им следующего десятилетия: «Социальный импульс 60-х дал свои плоды именно в 70-х. Но плоды разнообразные»⁷⁸. Нашелся у А. Латыниной спокойный упрек и в адрес Л. Лазарева, занимающего тоже в общем лево-центристские позиции, когда он резко высказался о статье Ст. Куняева «Ради жизни на земле» («Молодая гвардия». 1987. № 8), увидев в ней только глумление над погибшими на войне поэтами Н. Отрадой, А. Копштейном, Н. Майоровым, П. Коганом, М. Кульчицким⁷⁹. А. Латынина видит в статье Куняева и здоровое зерно – указание на историческую ограниченность «комсомольской» поэзии 30-х гг., одушевленной мечтой о мировом «пожаре» и «земшарной республике Советов». Но «погибли эти юноши не за идеи мировой революции, а за Родину. Хочется это Л. Лазареву, Т. Ивановой или нет, но комсомольская поэзия 30-х годов будет терять свою идейную привлекательность <...> ибо недостаток в ней общечеловеческого подхода будет обнаруживаться все явственнее»⁸⁰. По убеждению автора статьи, благодаря отстаиванию общечеловеческих ценностей более высокое место, чем занимали до сих пор, займут в истории литературы Булгаков, Пастернак, Мандельштам, Ахматова. Решительное неприятие у А. Латыниной встречает одна из основных установок «национал-радикализма»: «На место мифа о враге народа приходит миф о враге нации», и, по мнению критика, это «может иметь такие же губительные для народа последствия»⁸¹. В конце статьи говорится о плодотворности для нашего времени идей либерализма, некогда подвергшихся политической компрометации. Идеи эти, включая теорию «малых дел», осмеянную радикалами, не совсем исторично сведены в статье к одной основной идее – идее личной свободы. Но А. Латынина в принципе далека от категоричности.

В сложившейся во второй половине 80-х гг. обстановке почти не нашлось места для «чистых», абсолютных центристов, не тяготеющих хотя бы немного к одному из полюсов, если не считать потерявших читательский кредит прежних официальных лидеров литературы. Лишь главный редактор «Литературного обозрения» Л. Лавлинский попробовал быть абсолютным центристом: свою поддержку демократического плюрализма мнений он распространил и на мнение В. Белова, что в литературе в 1987 г. «ничего такого особенного не произошло», ведь писатель добавил: «Но я не успеваю читать: может быть, пропустил что-то действительно выдающееся». Л. Лавлинский цитирует чересчур эмоциональный отклик Б. Сарнова в «Огоньке»⁸². Однако В. Белов все-таки говорил, что его «не взволновали ни громкие ретроспективные публикации, ни публикации

новинок»⁸³, значит, он их читал и не мог не заметить «ничего такого особенного». Принципиально новые события в литературе были. Одни критики их приняли с радостью, другие – нет, но равнодушия никто из них не обнаружил, и Л. Лавлинский в том числе.

Литературная критика 1980-х гг. была яркой, многоаспектной, и даже ее крайности и недостатки отразили то особенное, неповторимое, переломное время⁸⁴.

Примечания

- ¹ *Потапов Н.* Мир человека и человек в мире // Литература и современность. Сб. 19. Статьи о литературе 1981 года. М., 1982. С. 152.
- ² *Сидоров Е.* Утверждение идеала // Там же. С. 306.
- ³ *Марков Г.М.* Никогда не отгораживаться от тревог современного мира, от жизни нашего народа // Литературная газета. 1986. 25 июня. С. 2.
- ⁴ *Озеров В.* Литературная критика: четкость критериев, высота требовательности // Вопросы литературы. 1986. № 9. С. 9–10.
- ⁵ См.: *Кузьменко Ю.* Советская литература вчера, сегодня, завтра. М., 1981.
- ⁶ *Суровцев Ю.* В 70-е и сегодня. Очерки теории и практики современного литературного процесса. М., 1985. С. 34, 26.
- ⁷ *Кузнецов Ф.* Родословная нашей идеи. Традиции русских революционных демократов и современность. М., 1986. С. 467. В изобилующей ошибками монографии Биргит Менцель эта книга Ф. Кузнецова упорно именуется «Родословной наших дней» (см.: *Менцель Б.* Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб., 2006. С. 284, 339, 374).
- ⁸ *Курчаткин А.* Бремя штиля // Литературное обозрение. 1980. № 12. С. 26.
- ⁹ *Кузнецов Ф.* На том стоим (Черты литературы зрелого социализма) // Критика и время. Литературно-критический сборник. Л., 1984. С. 24. В год выхода сборника «Критика и время» отмечалось 50-летие Первого съезда советских писателей. По этому случаю произнес речь лично К.У. Черненко. А первый секретарь правления Московской писательской организации Ф.Ф. Кузнецов свою речь начал вовсе не с события 50-летней давности: «Писатели Москвы от всего сердца поздравляют Генерального секретаря ЦК нашей партии К.У. Черненко с высочайшей правительственной наградой – третьей звездой Героя Социалистического Труда.

За этим решением – глубочайшее уважение всех советских людей к его подлинно народной деятельности и глубоко народному человеческому характеру. Все мы – писатели – находимся под огромным впечатлением от сегодняшней речи Константина Устиновича. Только что я разговаривал с Валентином Петровичем Катаевым, который сказал, что считает эту речь блестящей. И это совершенно справедливо» (Под знаменем партийности и народности. Материалы юбилейного пленума правления Союза писателей СССР, посвященного пятидесятилетию создания Союза. Сентябрь 1984 года. М., 1984. С. 59). В.П. Катаев, конечно, понимал, кому говорил эти слова, и вряд ли рассчитывал на их обнародование.

- ¹⁰ См.: *Озеров В.* Литературная критика: четкость критериев, высота требовательности. С. 15–16; *Дементьев В.* Начиная с шестидесятых // Литературная газета. 1987. 9 дек. С. 5.
- ¹¹ *Яковлев А.* Достижение качественно нового состояния советского общества // Коммунист. 1987. № 8. С. 4.
- ¹² Критика и время. С. 182–183.
- ¹³ Там же. С. 184.
- ¹⁴ Там же. С. 155.
- ¹⁵ *Байгушев А.* Летопись поколения. К 60-летию со дня рождения Петра Проскурина // Наш современник. 1988. № 1. С. 185.
- ¹⁶ *Иезуитов А.* Актуальные вопросы теории социалистического реализма // Критика и время. С. 55–56.
- ¹⁷ *Байгушев А.* Преодоление. Статья третья. Опыт созидания // Молодая гвардия. 1987. № 12. С. 233.
- ¹⁸ *Горбачев В.* Перестройка и подстройка // Молодая гвардия. 1987. № 7. С. 241.
- ¹⁹ Реплика // Октябрь. 1987. № 8. С. 208; *Иванова Н.* Отцы и дети эпохи // Вопросы литературы. 1987. № 11. С. 56.
- ²⁰ См.: *Метченко А.* Пора зрелости // Коммунист. 1981. № 18.
- ²¹ *Метченко А.* Кровное, завоеванное // Метченко А. Избранные работы. Т. 1. М., 1982. С. 451.
- ²² Там же. С. 463.
- ²³ См.: *Ковский В.* Закон единства. Современная литература в масштабе культуры // Новый мир. 1980. № 8. С. 211–225.
- ²⁴ См.: *Бикмухаметов Р.* Орбиты взаимодействия. М., 1983. С. 121–125.
- ²⁵ *Латынина А.* Колокольный звон – не молитва. К вопросу о литературных полемиках // Новый мир. 1988. № 8. С. 238.
- ²⁶ См.: *Горбачев В.* Перестройка и подстройка. С. 226.
- ²⁷ См.: *Селезнев Ю.* Долг и призвание // Стаднюк И. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 5–22.
- ²⁸ *Прокушев Ю.* Огонь и ветер России. К 50-летию Валентина Сорокина // Молодая гвардия. 1986. № 7. С. 278. За год до этой статьи «Молодая гвардия» (1985. № 6) опубликовала статью В. Сорокина «Звезды зажигают поэты. О творчестве Юрия Прокушева», где автор вспоминал, как он впервые читал работу названного критика о Есенине: «Читал, удивлялся и думал: как хорошо, у Сергея Александровича Есенина есть такой умный и верный исследователь. Все написанное Юрием Прокушевым будто сказано мною» (с. 268).
- ²⁹ Сергей Викулов: «Расслышать народную речь» // Литературная Россия. 1986. 27 июня. С. 21.
- ³⁰ *Николаев П.А.* «Освобождение»... от чего? // Литературная газета. 1983. 5 янв. С. 4.
- ³¹ *Суровцев Ю.* Полемические маргиналии, или Кое-что о методологии литературно-критического своеволия // Литература и современность. Сб. 19. С. 389.
- ³² *Васильев В.* Талант и художественное постижение жизни. Полемические заметки // Наш современник. 1980. № 10. С. 186.

- ³³ *Суровцев Ю.* Полемиические маргиналии... С. 393.
- ³⁴ *Васильев В.* Талант и художественное постижение жизни. С. 186.
- ³⁵ *Дементьев А.* Статьи о советской литературе. М., 1983. С. 376.
- ³⁶ *Кулешов В.* Точность критериев // Правда. 1982. 1 февр. С. 7.
- ³⁷ См.: *Горбачев В.* Перестройка и подстройка. С. 227.
- ³⁸ *Бондаренко В.* Очерки литературных нравов. Полемиические заметки // Москва. 1987. № 12. С. 184.
- ³⁹ *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. С. 356.
- ⁴⁰ *Бондаренко В.* Очерки литературных нравов. С. 183.
- ⁴¹ *Сарнов Б.* Кому улыбался Блок? // Огонек. 1988. № 3. С. 6–7.
- ⁴² 1987-й литературный: предварительные итоги // Литературная газета. 1988. 1 янв. С. 4.
- ⁴³ *Проскурин П.* Вечное поле. Заметки о современной прозе // Правда. 1987. 26 апр. С. 3.
- ⁴⁴ *Казинцев А.* Лицом к истории: продолжатели или потребители. Полемиические заметки о текущем литературном процессе // Наш современник. 1987. № 11. С. 166–175.
- ⁴⁵ См.: *Золотусский И.* Гоголь. Лермонтов. Жуковский. М., 1986.
- ⁴⁶ *Золотусский И.* Доколе? О микрофинале, протосюжете, о Базарове, резавшем кошек, и еще кое о чем // Литературное обозрение. 1987. № 4. С. 42–48.
- ⁴⁷ Критика – 87: мнения и сомнения // Литературная газета. 1988. 27 янв. С. 3.
- ⁴⁸ *Бондаренко В.* Очерки литературных нравов. С. 184.
- ⁴⁹ *Кожин В.* Правда и истина // Наш современник. 1988. № 4. С. 168.
- ⁵⁰ *Золотусский И.* Доколе? С. 45.
- ⁵¹ *Овчаренко А.* Зрелость реализма // Литература и современность. Сб. 19. С. 275.
- ⁵² *Иванова Н.* Расширяющаяся современность // Там же. С. 298, 299.
- ⁵³ *Кожин В.* Гласность – вещь превосходная, но... // Литературная газета. 1986. 23 июля. С. 3.
- ⁵⁴ См.: Письмо в редакцию «Литературной газеты» // Вопросы литературы. 1986. № 9. С. 286.
- ⁵⁵ *Чупринин С.* Профессионалы // Литературное обозрение. 1987. № 4. С. 37–38.
- ⁵⁶ *Лакшин В.* По правде говоря... Романы, о которых спорят // Известия. 1986. 2 дек. С. 3.
- ⁵⁷ *Иванова Н.* Испытание правдой // Знамя. 1987. № 1. С. 203.
- ⁵⁸ Там же. С. 220.
- ⁵⁹ См.: *Латынина А.* Осколок голограммы // Литературная газета. 1987. 18 февр. С. 7.
- ⁶⁰ *Иванова Н.* Отцы и дети эпохи // Вопросы литературы. 1987. № 11. С. 76.
- ⁶¹ *Иванова Н.* О «ручном мужике», «Семкиной работе» и беглой лишенке Ваське // Новый мир. 1988. № 8. С. 259.
- ⁶² См.: *Буртин Ю.* «Реальная критика» вчера и сегодня // Новый мир. 1987. № 6. С. 222–239.
- ⁶³ Почта «Октябрь» // Октябрь. 1987. № 12. С. 199.

- ⁶⁴ Буртин Ю. «И нам уроки мужества даны...» // Там же. С. 199–205; см.: Дементьева И. Есть хорошее народное слово... Открытое письмо писателю Анатолию Иванову, главному редактору журнала «Молодая гвардия» // Юность. 1988. № 7. С. 83–85; Лакшин В. Не впасть в беспамятство (Из хроники «Нового мира» времен Твардовского) // Знамя. 1988. № 8. С. 210–217.
- ⁶⁵ См.: Чупринин С. Критика – это критики! // Вопросы литературы. 1985. № 12. С. 82–97.
- ⁶⁶ Критика – 87: мнения и сомнения // Литературная газета. 1988. 27 янв. С. 3.
- ⁶⁷ См.: Виноградов И. Перед лицом неба и земли // Литературная учеба. 1988. № 1. С. 73–96.
- ⁶⁸ См.: Михайлов Ал. У подножия великана. По поводу одной «дискуссии» о Маяковском // Литературная газета. 1988. 10 февр. С. 5.
- ⁶⁹ Чупринин С. Критика – это критики! С. 123.
- ⁷⁰ См.: Пискунов В.М. До самой сути. М., 1987. С. 209–254.
- ⁷¹ См.: Бочаров А. Лично причастен // Правда. 1985. 17 февр. С. 3.
- ⁷² Бочаров А. Судьба народная // Октябрь. 1988. № 3. С. 152.
- ⁷³ См.: Старикова Е. Книга о добре и зле, или Смерть Ивана Ильича // Новый мир. 1987. № 12. С. 216–229.
- ⁷⁴ См.: Марченко А. Незавтрашние зигзаги. Опыт прочтения одного журнального номера // Литературное обозрение. 1987. № 7. С. 16–22.
- ⁷⁵ Марченко А. В надежде на память или беспамятство? // Искусство кино. 1988. № 2. С. 48.
- ⁷⁶ Предварительные итоги литературного года // Дружба народов. 1988. № 1. С. 188.
- ⁷⁷ Латынина А. Колокольный звон – не молитва. К вопросу о литературных полемиках // Новый мир. 1988. № 8. С. 233.
- ⁷⁸ Там же. С. 236.
- ⁷⁹ Лазарев Л. «А их повыбило железом...» // Знамя. 1988. № 2. С. 216–225.
- ⁸⁰ Латынина А. Колокольный звон – не молитва. С. 243.
- ⁸¹ Там же. С. 241.
- ⁸² Лавлинский Л. Ритмы обновлений. О литературной критике наших дней // Литературное обозрение. 1988. № 6. С. 7.
- ⁸³ 1987-й литературный: предварительные итоги // Литературная газета. 1988. 1 янв. С. 4.
- ⁸⁴ В статье, опубликованной в начале 1996 г. в «Новом мире» (№ 1), Н.Б. Иванова ностальгически вспоминала: «Славное было время, жаль, что быстро промелькнуло, да и статьи – будем смотреть на вещи прямо – остались в газетном фонде перестроечной эпохи» (Иванова Н. Между. О месте критики в прессе и литературе // Иванова Н. Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век. СПб., 2003. С. 170). Но эти статьи не должны быть забыты. Они отразили эпохальный перелом общественного сознания, произошедший в конце 1980-х гг. за какие-нибудь три года.